

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

АННА КНЯЗЕВА

ЖИЗНЬ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

Анна Князева
Химеры картинной галереи
Серия «Детективное ателье
Надежды Раух», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42019166

Химеры картинной галереи : [роман] / Анна Князева: Эксмо; Москва;

2019

ISBN 978-5-04-100266-4

Аннотация

Дела в модном ателье Надежды Раух шли отлично, и она решилась на расширение – шить не только дамские наряды, но и мужские костюмы. Лучший мастер в Москве уже принят на работу, а для презентации нового направления устроен торжественный прием. Гости – известные, солидные, состоятельные люди – с удовольствием любовались изысканными интерьерами ателье, любовно созданными мамой Надежды Ираидой Самсоновной, страстной любительницей антиквариата. Ее недавнее приобретение – авторская копия картины, оригинал которой находится в Третьяковской галерее. Полотно это крайне необычное, и Надежде очень хочется раскрыть его тайну, но ей мешает другая, гораздо более мрачная загадка – один из гостей был отравлен прямо во время приема...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	53
Глава 6	71
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Князева

Химеры картинной галереи

*Все персонажи и события романа вымышлены,
любые совпадения случайны.*

© Князева А., 2019

Пролог

1863 год

Москва, Замоскворечье

Дочь замоскворецкого промышленника, миллионера Семена Порфирьевича Зотова готовилась к выходу в свет, который должен был состояться на балу во дворце княгини Закревской.

Сезон балов в Москве начинался задолго до Рождества и заканчивался в последний день Масленицы. Открывался он пышным дворянским балом в Благородном собрании. Далее череда балов гремела по всей Москве: по дворцам и частным особнякам на Тверской, Пречистенке и в Замоскворечье. Сюда слетались аристократы, небогатое провинциальное дворянство и блестящая гвардейская молодежь из Санкт-Петербурга.

В светском обществе московские балы прозвали «ярмарками невест», потому что они служили местом отыскания выгодной партии. Любого кавалера, пригласившего девицу на танец, родители барышни рассматривали как потенциального жениха: тут же выясняли, кто таков, размер состояния, знатность семьи и наличие скандального шлейфа.

Второе приглашение обязывало «танцора»¹ к представле-

¹ На балу по сути синоним слова «жених».

нию родителям. Третий, тем более четвертый танец с одной и той же дамой свидетельствовал о серьезных намерениях и предполагал два исхода: сватовство с последующей женитьбой или поединок с членом семейства девушки.

На первых в сезоне балах набиралось до трех тысяч человек. Но случалось и больше, все зависело от величины бальной залы дома хозяев. Зала княгини Закревской вмещала до пяти тысяч человек и была построена в виде павильона в саду, позади дворца, с которым соединялась короткой, но торжественной галереей. Возникшие при этом неудобства (буфет остался в старой части дворца) ничуть не волновали княгиню. Ей льстило, что она владела едва ли не самой значительной бальной залой в Москве.

Шестнадцатилетняя Агриппина Зотова, или Грушенька, как ее называли домашние, к тому времени окончила гимназический курс и до этого танцевала только на детских балах. Вместе с превосходным приданым она получила от родителей хорошее воспитание, манеры, скромную грацию и миловидное личико.

Все это предопределяло ее судьбу – безбедное житье за мужем, имеющим хорошую репутацию и верный капитал, равный по величине капиталу ее родителя.

Калерия Федоровна, жена Зотова – вялая, безынициативная особа, имела дурной вкус и одевалась не лучше иной купчихи или жены мещанина. Зная это, Семен Порфирьевич сам приказал найти для дочери лучшую портниху в Москве

или, если таковая не сыщется, привезти столичную из Санкт-Петербурга. Однако таковая нашлась и в Москве: одеться в мастерской у мадам Менауга было не менее престижно, чем выписать наряд из Парижа. Лучшая портниха из мастерской Менауга вместе с четырьмя подмастерьями на время переехала с Кузнецкого Моста в замоскворецкий особняк Зотова, где за три недели пошила для Грушеньки три превосходных бальных туалета в светлых тонах.

Для своего первого бала Грушенька выбрала простое воздушное платье из белого муслина с газовым подбором на юбке, розетками, кружевом и нежной вышивкой по линии декольте. Букетик у корсажа дополнили цветы в волосах и черная бархотка на девичьей шейке.

Атласные туфельки, корсаж и перчатки доставили из Парижа. Мантилью для выезда выбрал сам Семен Порфирьевич в знаменитом на всю Москву Суцевском товарном депо мадам Белкиной. Вручив дочери меховую мантилью в день бала, он так же надел на ее ручку браслет с пятью большими сапфирами и чистейшей воды бриллиантом.

– Красавица... – прошептала Калерия Федоровна, глядя на Грушеньку.

– Собиралась бы ты сама, матушка. Нешто не поспеешь. Скоро уж ехать. – Семен Порфирьевич достал папироску и вышел из комнаты.

Спускаясь по широкой лестнице, он закурил.

Здрав голову, с нижнего этажа к нему обратился швей-

цар:

– Вас тут спрашивают, барин.

– Кто? – справился Зотов.

Дождавшись, когда Семен Порфирьевич спустится, швейцар, ответил:

– Художник Сомов...

– Я же приказал его не пускать! – воскликнул Зотов и грозно поглядел на швейцара.

– Без спросу вошел, ей богу! Я только открыл дверь, тут же – шашь!

– Где он?!

– В сенях. Дале я не впустил.

Семен Порфирьевич направился к двери с узорчатыми стеклами и, распахнув ее, увидел широкоплечего молодого человека с русой выющейся бородой.

– Я просил вас никогда не являться в мой дом! – Он оглядел Сомова неодобрительным взглядом: – Для честного человека это достаточный повод.

– Кажется, я не делал вам зла, – сказал Сомов. – Что касается чести – вы заплатили мне деньги, но портрет еще не закончен.

– Аванс оставьте себе! Портрет мне больше не нужен!

– Считаю своим долгом его закончить.

– Не трудитесь, – холодно заметил Семен Порфирьевич. – Другой долг – отцовский – предписывает мне избавить дочь от вашего общества. Остается только догадываться, что при-

водит людей к столь безнравственным и непотребным поступкам!

– Я не делал вам зла, – уверенно повторил Сомов.

– Вы совершили куда худший поступок! Воспользовались отцовским доверием и влюбились в себя Грушеньку.

– Я пришел попросить руки вашей дочери.

– Вон из моего дома! – Зотов схватил художника за грудки и толкнул его к выходу.

С лестницы послышался плачущий голос Грушеньки:

– Папенька! Оставьте его! Оставьте!

Зотов обернулся:

– Немедленно возвращайся наверх!

– Это гадко!

– Немедленно!! – Семен Порфирьевич повысил голос и призвал на помощь швейцара: – Степан!

Оставив Сомова швейцару, рассерженный родитель схватил Грушеньку за руку и потащил вверх по лестнице.

Подчинившись отцу, она не отрывала от Сомова влажно-го, заплаканного взгляда, покуда швейцар не вытолкнул его на улицу и не захлопнул за ним дверь.

Глава 1

Наше время

Москва, Замоскворечье

Ателье Надежды Раух

В пятницу рабочий день в ателье закончился раньше обычного, примерки состоялись, и портных отпустили домой. В течение последующего часа фойе и гостиная приобрели сугубо праздничный вид. Официанты сервировали фуршет. Флорист принес большую вазу с лиловыми гиацинтами, синеголовником и белым морозником.

Увидев его, Надежда Раух замахала руками:

– Поставьте ее на пол!

– Но вы хотели на жирдоньерку², – напомнил флорист.

– Я передумала. С жирдоньерки ее могут уронить во время приема.

– А если задвинуть в угол?

– Попробуйте...

Флорист перетащил жирдоньерку в угол и установил на нее вазу.

– Спасибо, так хорошо, – согласилась Надежда. – Уверены, что букет – сугубо мужской?

– Абсолютно.

² Подставка – этажерка для цветов.

В гостиную вошла мать Надежды. Ираида Самсоновна решала в ателье все жизненно важные вопросы. Оглядев помещение и мужские манекены в строгих костюмах, она удовлетворенно кивнула:

– Настоящий английский клуб.

– Я в ужасе. – Надежда опустилась на диван.

– Что случилось?

– Кажется, мы совершаем ошибку.

– Поздно сомневаться. – Ираида Самсоновна присела рядом дочерью. – Через полтора часа здесь соберутся гости.

– Я никогда не шила мужских костюмов.

– На тебя работает лучший мужской закройщик Москвы. И, что немаловажно, Тищенко пришел со своей клиентурой.

– Вопрос конфиденциальности – вот что меня беспокоит. – Надежда неуверенно взглянула на мать.

– У нас прекрасная мужская гостиная с примерочной комнатой.

– Она еще не готова.

– Дизайнер обещал закончить интерьер в ближайшее время. А до тех пор обойдемся дамской гостиной – здесь две примерочные комнаты. Одну займем под мужскую. Я умею составлять график примерок и позабочусь, чтобы клиенты не встречались друг с другом.

– Надеюсь, что прием пройдет хорошо.

– У нас только одна задача: привязать клиентов Тищенко к новому месту. Впрочем, куда они денутся. Где еще найдут

такого закройщика?

– В Москве повсюду шьют биспоуки³.

– Шьют, – согласилась Ираида Самсоновна. – Но Тищенко в Москве только один. Его клиенты – первые лица страны.

– Были... – уточнила Надежда.

Ираида Самсоновна закончила препирательства:

– И это – к счастью для нас!

– Жаль, что рядом нет Льва.

– Его никогда нет. По крайней мере, с тех пор, как он вернулся на эту работу. Я не понимаю таких отношений.

– Мама! – запротестовала Надежда.

Но Ираида Самсоновна только повысила голос:

– Не понимаю и никогда не пойму! Вы даже не живете вместе.

– Чтобы любить друг друга, необязательно жить в одной квартире.

– Только не говори, что тебе это нравится.

– Я не говорю.

– Послушай... – Ираида Самсоновна замялась, решая, стоит ли говорить, но все же продолжила: – Кажется, наши закройщики не ладят друг с другом.

– Что им делить? – удивилась Надежда. – Соколов – дамский закройщик, Тищенко кроит для мужчин.

– Валентин Михайлович ревнует нас к Тищенко.

³ Bespoke – индивидуальный пошив мужского костюма по всем канонам и традициям классического портновского искусства.

– Как глупо...

– Ему кажется, что с приходом Тищенко он оказался на вторых ролях.

– Нужно поговорить с Валентином Михайловичем и объяснить ему, что это не так.

– Я поговорю, – Ираида Самсоновна взглянула на часы, после чего спросила официанта:

– Все готово? Скоро придут гости.

– Осталось откупорить бутылки с вином, – ответил он.

– С этим не торопитесь, – Ираида Самсоновна встала с дивана, сказав дочери: – Тебе пора надеть вечернее платье.

– Послушай, мама, – Надежда тоже поднялась и подошла к простенку между окнами, где висела большая картина. – Мне кажется, ее нужно снять.

– Зачем? – удивилась Ираида Самсоновна.

– Она слишком женская.

– Кому помешает картина с девушкой в бальном платье? Могу тебя заверить: большинство мужчин придут сюда с дамами, – Ираида Самсоновна замолчала, прислушавшись. – Кажется, уже кто-то явился...

Она вышла в фойе и вскоре вернулась с немолодым поджарым мужчиной, на груди которого висел фотоаппарат. В руках он держал треногу.

– Наденька, хочу тебя познакомить с моим старинным знакомым. Власов Григорий... – Ираида Самсоновна запнулась и, рассмеявшись, закончила: – Никогда не знала твоего

отчества, Гришенька.

Он подсказал:

– Александрович.

– Большинство моих фотографий, которые висят на стенах ателье, сделал Григорий Александрович.

– Мы с вашей мамой работали в Доме моделей на Кузнецком Мосту, – сказал Власов. – В свое время она была выдающейся манекенщицей. Ее хотели все модные журналы, буквально рвали на части.

– Знаю, – Надежда протянула руку. – В некотором роде я – лицо пострадавшее.

Григорий Александрович приложился к ее ручке губами:

– Понимаю. Мои дети видели меня так же редко, как вы – свою мать.

– Специфика работы, – Ираида Самсоновна постаралась сгладить неловкость. – Ночь-полночь – а у нас примерки или фотосессия для журнала. Однако несмотря ни на что, времена были чудесными. Теперь Григорий Александрович работает фоторепортером в журнале «Светская жизнь».

– Спасибо за приглашение, – вставил он. – Мне крайне нужен репортаж о мужской моде.

– В таком случае наши интересы совпали, – сказала Надежда. – Прошу прощения, сейчас я должна уйти. Увидимся позже.

К гостям Надежда вышла в черном атласном платье с глу-

боким декольте на спине, прикрытом тонким гипюром. По гипюру пролегла застежка на тридцати пуговках с воздушными петлями. Чтобы их застегнуть, Надежда специально пригласила в свой кабинет администратора Викторию, и на это у них ушло пятнадцать минут. Из украшений она выбрала бриллиантовые серьги, подаренные когда-то бывшим любовником Марком Фридмановичем. Он, кстати, тоже был на приеме.

История возвращения Марка в жизнь и дела Надежды Раух была связана с ее неудачной попыткой усыновления ребенка. Фридманович, как адвокат, сделал все, что смог, и, несмотря на неудачу, сумел сохранить расположение бывшей любовницы. Не далее как вчера Марк позвонил и попросился на прием. Надежда пригласила его и теперь хотела знать, для чего.

По неширокой витой лестнице она спустилась в гостиную, которую к тому времени уже заполнили нарядные гости: дамы в коктейльных платьях и мужчины – по большей части в смокингах. Их голоса сливались в монотонный гул, похожий на жужжание пчел.

Пятидесятилетний здоровяк закройщик Анастас Зинович Тищенко стоял в центре гостиной в кругу солидных мужчин. На нем был идеально сшитый смокинг, жилет на трех пуговицах и белая бабочка, что значительно превосходило заявленный дресс-код вечеринки. Заметив Надежду, Тищенко представил ее собеседникам:

– Надежда Алексеевна Раух, дизайнер и хозяйка ателье. Весьма счастлив трудиться под ее руководством.

Надежда протянула руку первому из мужчин, невысокому плотному человеку с внимательным взглядом.

– Антон Геннадьевич Шимаханский, – сказал он и едва пожал ее пальцы. – Спасибо, что приютили Анастаса Зеноновича. В моем возрасте смена портного равносильна инфаркту.

– Антон Геннадьевич известный коллекционер и знаток искусств, – отрекомендовал его Тищенко.

– Приятно познакомиться, – проговорила Надежда и перевела взгляд на сорокалетнего мужчину в очках. Тот наклонил голову:

– Вадим Воронович. Всего лишь помощник этого господина, – он указал глазами на Шимаханского.

– Не прибедняйся, Вадим, – заметил тот. – У тебя хватает денег, чтобы заказать костюм у Анастаса Зеноновича.

– Руслан Акчурин, – представился третий – черноволосый мужчина с большими залысинами. – Юридическое агентство «Акчурин и сын». К вашим услугам...

Надежда покачала головой.

– У меня есть адвокат, – заметив среди гостей Фридмановича, она поманила его рукой. – Марк, иди сюда, к нам!

Он словно ждал, когда его позовут, немедленно подошел и поочередно пожал руки мужчинам:

– Добрый вечер... Очень приятно... Марк Фридманович.

– Мы с вами знакомы, – сказал Акчурин. – Единожды скрещивали шпаги в суде. – Он оценивающе-холодно оглядел Надежду. – Ваш адвокат? Поздравляю! Дельный молодой человек.

Будучи ровесником Фридмановича, Акчурин назвал его молодым человеком. Вероятно, этим он хотел выказать свое превосходство.

– Позвольте... – Власов нацелился на них объективом и, отступив на пару шагов, несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата.

Анастас Зенонович обошел с Надеждой гостиную, представляя ее своим клиентам. Надежда улыбалась и благосклонно кивала каждому, но мало кого запомнила. Вернувшись к небольшому кружку мужчин, с которых все началось, она взяла под руку Фридмановича:

– Простите, мы отойдем.

У фуршетного стола он нетерпеливо спросил:

– Чего ты хотела?

– Всего лишь уйти, а тут и ты под руку подвернулся.

– Злая ирония судьбы... – Фридманович взял со стола бокал с шампанским и выпил. – Мне нужно переговорить с тем, что постарше.

– С Шимаханским, – подсказала она.

– Откуда ты его знаешь? – В голосе Фридмановича послышались ревнивые нотки.

– Брось, Марк. На меня это давно не действует, – усмех-

нулась Надежда, но все же ответила: – Мы познакомились с Шимаханским двадцать минут назад.

Оглядев гостей, Фридманович улыбнулся фотографу, тот сделал снимок, и он снова приложился к бокалу.

– Здесь собрались люди с возможностями.

– Большинство из них я даже не знаю. Это клиенты Тищенко, – Надежда подозвала Викторию и тихо спросила: – Не знаете, где Ираида Самсоновна?

– Она в закройной, – на лице Виктории возникло замешательство.

– Что-нибудь случилось? – поинтересовалась Надежда.

– Кажется, они там ругаются.

– С кем?

– С Валентином Михайловичем.

– Я скоро вернусь, – Надежда поставила бокал, пересекла фойе и свернула в коридор, ведущий к производственным помещениям. Дойдя до закройной, она взялась за дверную ручку, но ее рука тут же отдернулась.

Из-за двери послышался голос матери:

– Мы говорим на разных языках, Валентин Михайлович! Мужчина вашего возраста обязан знать, как сохранять лицо в любой ситуации. Никто не в силах сделать это за вас!

В ответ раздался сдержанный голос Соколова:

– Вы несправедливы ко мне, Ираида Самсоновна. Если мы не можем найти общий язык, мне лучше уволиться.

– Скатертью дорога! – Дверь с треском распахнулась, На-

дежда едва успела отскочить.

Догнав мать в коридоре, она спросила:

– И это называется решить вопрос с Соколовым?

– Оставь меня в покое! – Ираида Самсоновна вскинула руки, словно освобождаясь от ее назиданий.

– Как же ты не понимаешь... Он может уволиться. Мне нет дела до ваших личных отношений, но...

– Незаменимых людей нет! – прервала ее Ираида Самсоновна.

– Есть! – Надежда остановилась и повторила: – Есть! Валентин Михайлович – превосходный закройщик дамского платья. Другого такого нет.

– Не преувеличивай. – Ираида Самсоновна обняла дочь, потом, отстранившись, заметила: – Ты сегодня очень хорошо выглядишь.

– Пообещай, что вернешься в закройную и все исправишь.

– Сейчас? – Ираида Самсоновна манерно закатила глаза. – Только не это...

– Тогда я сама поговорю с Соколовым, и пусть тебе будет стыдно. Вместо того чтобы помогать, ты постоянно все портишь.

– Я порчу?

Сообразив, что переборщила, Надежда прижалась к матери:

– Прости, сорвалось. Сегодня у меня трудный день.

– Ну, хорошо, – Ираида Самсоновна заговорила низким,

обиженным голосом: – Я пойду. Только предупреждаю: с моей стороны извинений не будет.

Надежда проводила мать взглядом и вышла в фойе. Там заметила, что дверь в мужскую гостиную приоткрыта, хотела захлопнуть ее, но услышала, что внутри кто-то есть, и вошла в темное помещение. В незаконченной гостиной повсюду громоздилась нераспакованная мебель. Мужской голос доносился из глубины, оттуда, где была мужская примерочная.

– Не хочу этого делать, – сказал мужчина. – Ничем хорошим это не кончится.

Пока Надежда шарила рукой в поисках выключателя, разговор продолжался:

– Вы обезумели... Вспомните, о чем мы договаривались... Нет. Он не переживет этого дня.

Надежда нащупала выключатель и зажгла свет. В глубине примерочной стоял высокий седовласый мужчина, одетый в элегантный темно-синий костюм. Он резко обернулся и бросил в трубку:

– Перезвоню.

– Что вы здесь делаете? – спросила Надежда.

– Говорю по телефону. В гостиной слишком многолюдно. Значит, вы и есть та самая Надежда Раух?

– Да, это я. – Она улыбнулась. – По вашему костюму вижу, что вы клиент Анастаса Зеноновича.

Мужчина широко улыбнулся и представился:

– Сергей Аполлинарьевич Козырев.

– Для телефонного разговора могу предложить свой кабинет. Там никого нет.

– Благодарю, не стоит. Я уже закончил, – Сергей Аполлинарьевич оглядел комнату: – Это примерочная?

– Она еще не готова, – Надежда вышла за дверь: – А здесь будет мужская гостиная. Специально для Тищенко мы выкупили соседнее помещение.

– И это очень разумно. Анастас Зенонович – та самая пресловутая курица, которая несет золотые яйца. Признаюсь, прежде чем явиться сюда, я справился о вас.

– И что же узнали? – поинтересовалась она.

– Вас превосходно характеризуют, – сказал Козырев. – Вы – талантливый модельер.

– Неужели?

– Оставьте это кокетство...

Беседуя, они вышли в фойе и двинулись туда, где в окружении клиентов стоял Тищенко. Краем глаза Надежда заметила, что в гостиной появились ее мать и Валентин Михайлович Соколов, высокий аристократичный мужчина с пышными, посеребренными сединой волосами.

– Позвольте? – К Надежде подошел Шимаханский и, взяв ее под руку, подвел к простенку между окнами: – Откуда у вас эта картина?

– Ее купила моя мать.

– Где, если не секрет?

– Этого я не знаю, но могу спросить.

– Если не трудно...

Надежда оглянулась и увидела, что Ираида Самсоновна с кем-то беседует.

– Чуть позже... – сказала она и спросила: – Считаете, картина представляет какую-то ценность?

– Нет, не думаю. Однако очень милая композиция – полуфигурный портрет юной девушки на фоне идиллического пейзажа. Ее бальное платье похоже на подвенечное. Не находите? Навскидку – девятнадцатый век.

– Судя по корсету и юбке-колоколу – это не ампир. Значит, не начало и не конец девятнадцатого века, когда на смену кринолинам пришли турнюры и юбки по бедрам. Думаю, что портрет написан в пятидесятые годы девятнадцатого века.

– Приятно иметь дело с профессионалом, – сказал Шимаханский и, обернувшись, поискал кого-то глазами: – Анастас Зенонович обещал мне примерку костюма.

– Сегодня? – удивилась Надежда.

– Ближайшие дни у меня заняты, и, раз уж я здесь, лучше примерить костюм сейчас.

Надежда подозвала Викторию, велела проводить Шимаханского в мужскую примерочную и принести туда все, что он скажет.

Тем временем гости начали расходиться. Ушли Фридманович и Соколов. К одиннадцати часам в гостиной и в фойе

остались несколько человек. Когда после примерки в гостиную вернулся Шимаханский, Воронович подал патрону пальто, они попрощались и вышли.

Проводив Анастаса Зеноновича и последних гостей, Ираида Самсоновна приказала официантам убрать фуршетные столы.

Надежда сняла туфли и устало полулегла на диван.

– Кажется, все прошло хорошо.

– Тищенко – вполне светский человек, – заметила Ираида Самсоновна.

– Что с Соколовым?

– Мы поговорили. Разговор был тяжелым, тем не менее он успокоился... – Ираида Самсоновна хотела продолжить, но ее прервал долгий звонок.

Мать и дочь тревожно переглянулись. Виктория побежала к двери. Спустя минуту в гостиной появились Воронович и дежурный охранник. Они внесли Шимаханского. Безвольно повиснув в чужих руках, он в такт шагам болтал головой.

– Ему стало плохо в машине! – крикнул Воронович. – Звоните в «Скорую»! Немедленно!

Надежда вскочила с дивана, туда положили Шимаханского. Он был бледен и чуть заметно дышал.

Набрав номер и дождавшись ответа, Ираида Самсоновна уточнила:

– Он – гипертоник?

Вадим Воронович вырвал у нее трубку:

– Мужчина, шестьдесят один год. Шимаханский Антон Геннадьевич. Сердечный приступ, возможно – инфаркт. Адрес? – Он сунул трубку Надежде: – Ваш адрес! Говорите!

Диспетчер приняла вызов и сообщила, что «Скорая» будет в течение десяти минут. Ираида Самсоновна и Надежда стянули с Шимаханского пальто, расслабили галстук и расстегнули воротник сорочки.

– Если он сердечник, в карманах есть нитроглицерин, – предположила Надежда.

– Ищите! – крикнул Воронович.

Надежда прошла по карманам пиджака, проверила нагрудный, затем взялась за пальто.

– Здесь есть таблетки...

– Не смей их давать! – крикнула Ираида Самсоновна и распорядилась: – Откройте окно!

Воронович бросился к окну и распахнул его настежь. Шимаханский тихо лежал на диване, его лицо все больше бледнело, грудь вздымалась все реже. Надежда нащупала на запястье пульс:

– Сердцебиение замедляется!

– Не паникуй! – Ираида Самсоновна выглянула в окно и радостно обернулась: – «Скорая» приехала!

Через минуту в гостиную вбежали двое мужчин в форменных костюмах. Один из них раскрыл чемодан, другой бросился к Шимаханскому, буквально разорвал на нем сорочку и приложил к груди головку фонендоскопа. Потом

раздвинул пальцами веки, взглянул на зрачок и крикнул:

– Остановка сердца! Дефибриллятор! – Врач выпрямился, стянул с себя куртку и швырнул ее в сторону. – Помогите перенести его на пол!

Вадим Воронович ухватил патрона под мышки, врач взялся за ноги. Шимаханского перенесли на ковер.

– Теперь уходите!

Все, кто был в гостиной, вышли в фойе. Ираида Самсоновна велела охраннику прогнать официантов. Выполнив приказ, охранник вернулся, чтобы полюбопытствовать, однако Надежда сорвалась на него, крикнув:

– Уйдите!

Охранник сел на свое место и уткнулся взглядом в столешницу.

Минут через десять из гостиной вышли врачи. К ним кинулись с вопросами:

– Ну что?

– Как он?

– Жив?

Врач медленно покачал головой и опустил глаза:

– Все бесполезно. Он умер.

Глава 2

Ордер на обыск

Утром следующего дня Надежда Раух пригласила в свой кабинет Ираиду Самсоновну и администратора Викторию.

– Прошу вас не распространяться о том, что вчера случилось, – с расстановкой проговорила она. – По большому счету, смерть Шимаханского нас не касается. Но он умер в стенах ателье, и я не хочу, чтобы об этом знали заказчики.

Когда Виктория вышла, Надежда сказала матери:

– Не кажется тебе, что это плохой знак?

– В Москве каждый день кто-нибудь умирает. Это жизнь, моя дорогая, – Ираида Самсоновна направилась к двери, и, когда открыла ее, со стены упал карандашный портрет Надежды. Надежда метнула в него испуганный взгляд, после чего многозначительно посмотрела на мать. Перед тем как выйти за дверь, та повторила:

– Это жизнь, моя дорогая.

Надежда встала из-за стола, подняла свой портрет и спрятала его в ящик стола. Вернувшись в кресло, она ненадолго задумалась.

Буквально через минуту ей позвонила Виктория:

– Вас ждут в примерочной.

– Кто?

– Ирэна Валтузова. Валентин Михайлович сделал примерку, но она хочет видеть вас.

– Скажите ей, что я иду.

Надежда спустилась по лестнице и направилась к примерочной. Заметив вазу с лиловыми гиацинтами, синеголовником и белым морозником, она приказала:

– Уберите цветы!

Виктория заметила:

– Они еще свежие.

– Букет выглядит похоронным... – прошептала Надежда. – Пожалуйста, уберите.

В примерочную комнату она вошла, улыбаясь:

– Здравствуйте, Ирэна! Надеюсь, Валентин Михайлович все посмотрел?

– Конечно, он был. И вроде бы все неплохо... – Ирэна повернулась спиной к зеркалу и, глядя на себя через плечо, отставила попку.

– Что-то не так? – Надежда знала, к чему велись подобные разговоры.

– Хочу выглядеть сексуальнее.

Надежда оглядела фигурку Ирэны в комбинезоне из тонкой бежевой кожи.

– По-моему, вы смотрите достаточно сексуально.

– Хочу, чтобы комбинезон был второй кожей. Хочу носить его без нижнего белья. Понимаете?

– Понимаю. – Надежда прихватила пальцами кожу комби-

незона, но оттянуть не смогла. – Мне кажется, комбинезон сидит очень плотно. Если убирать по бокам – здесь не зацепишься. Укоротить по линии талии – тогда вы не сможете сесть. Этот излишек дается на свободу движения.

– Валентин Михайлович сказал то же самое.

– Ну так что же?

– Мне хо-о-очется, – протянула Ирэна.

– Вы не сможете в нем сидеть, – напомнила Надежда.

– Я постою.

– Ну, что же... – Надежда внесла необходимые коррективы специальным маркером, сопроводив их словами: – Ваше желание для нас – закон.

– Поэтому я так люблю сюда приходить.

Они обменялись улыбками, и Надежда покинула примерочную. Дождавшись, когда Ирэна переоденется, она забрала комбинезон и по дороге в закройную заглянула в мужскую гостиную.

Там она встретила дизайнера, под руководством которого велись ремонтные работы.

– Здравствуйте, Филипп. Как наши дела?

Он бодро ответил:

– Все по плану. Все под контролем.

– По плану вы должны были закончить ремонт две недели назад, – Надежда поджала губы и в который раз спросила себя: где были ее глаза, когда она нанимала этого неловкого долговязого парня? Три месяца назад он показал ей вполне

экономичный проект. С того дня многое изменилось: задуманный интерьер усложнился, и смета значительно выросла. Сдержав раздражение, Надежда поинтересовалась: – Вас что-то задерживает?

– Электропривод для штор.

Она покопалась в памяти:

– Что-то не припомню...

Филипп обезоруживающе улыбнулся:

– Я взял на себя смелость.

– Опять?! – возмутилась Надежда.

– Французский механизм, абсолютно бесшумный, управляется с дистанционного пульта.

– Ну знаете...

– Великолепная рулонная штора. В свернутом состоянии прячется за потолочный элемент. С опущенной шторой вы сможете видеть все, что происходит на улице. Снаружи – видимость ноль. Ведь вас интересует конфиденциальность?

– Не до такой степени, – проговорила Надежда. – Во что это мне обойдется?

– Дополнения к смете завтра представлю.

– Уж будьте любезны, – Надежда прошлась по гостиной, где работали несколько человек.

– На следующей неделе закончите? – уточнила она.

Филипп ответил безо всякой уверенности:

– Если привезут английские кресла.

– Боже мой, зачем же так далеко заказывали?

– Английские – не значит из Англии. Всего лишь разнообразность кресла с ушами.

– Я бы согласилась на те, что безо всяких ушей. Лишь бы скорее.

– Не думайте, что я не оценил вашу шутку, – улыбнулся Филипп. – По срокам – будем стараться.

Надежда заметила:

– Стараться можно по-разному.

Филипп по-детски расстроился и попросил:

– Не мучьте меня, пожалуйста. Я сам хочу скорее закончить.

На этой просьбе аргументы у Надежды закончились. Она вышла в фойе и зашагала по коридору в закройную.

В помещении закройной стояли три огромных стола, за одним работал Соколов, за другим – помощница закройщика татарка Фаина. Третий стол принадлежал Тищенко.

Увидев Надежду, Анастас Зенонович спросил:

– Что будем делать с костюмом Шимаханского?

Надежда замерла в дверях и обвела присутствующих внимательным взглядом.

– Я не понимаю...

– Все знают, что Шимаханский вчера умер, – сказал Валентин Михайлович.

– Кто вам рассказал?

Валентин Михайлович молча опустил глаза, и Надежда сама обо всем догадалась:

– Моя мать?

В закройную между тем вошла Ираида Самсоновна. Услышав окончание разговора, она тихо сказала:

– Прости меня, Наденька. Утром я еще не знала, что нужно молчать.

– Поговорим об этом чуть позже, – Надежда отдала Соколову кожаный комбинезон Ирэны Валтузовой.

Он догадался:

– Плотнее?

– Сказала, что сидеть в нем не будет.

Соколов забрал комбинезон и повесил его на стойку. Тищенко повторил свой вопрос:

– Так что же мне делать с костюмом Шимаханского?

– Конечно, дошивать, – ответила Надежда.

Из закройной они вышли вместе с Ираидой Самсоновной.

– Не думала, что Тищенко такой нетактичный человек. Зачем о таком спрашивать? В конце концов, это неприлично.

– Мама...

– Отчитывать будешь? – с вызовом спросила Ираида Самсоновна.

– Нет. Но у меня есть вопрос. В гостиной под портретом девушки стоит консольный столик.

– В стиле Людовика Шестнадцатого из золоченого дерева?

– С мраморной столешницей, – с иронией уточнила Надежда. – Откуда он взялся? Еще вчера его не было.

– Я купила его сегодня.

– Когда успела?

– Григорий Александрович утром привез.

– Он тоже увлекается антиквариатом? Какой разносторонний человек, – проронила Надежда.

Не улавливая иронии, Ираида Самсоновна продолжила:

– Вчера Власов показал фотографию столика, цена оказалась мне очень приемлемой.

– Твоя любовь к красоте просто зашкаливает. Позавчера ты купила чайные пары Кузнецовского фарфора. Неделью назад – салфетку из венецианского кружева. В шкафах не осталось свободного места. Предлагаю остановиться.

– Что касается шкафов – я уже присмотрела четырехметровый черный купеческий буфет с богатой резьбой. Его привезут из Нижнего Новгорода в следующем месяце. А консоль Людовика Шестнадцатого определим в мужскую гостиную. Поставим к большому зеркалу.

– Вопрос в том, когда это случится, – недовольно обронила Надежда.

– Ты говорила с дизайнером?

– Теперь он ждет английские кресла и французский электропривод.

– Зачем Филиппу электропривод?

– Для новомодных рулонных штор.

– Откуда они взялись? – Разозлившись, Ираида Самсоновна пообещала: – Сейчас я ему покажу!

Скорым шагом она отправилась в мужскую гостиную. Од-

нако, выйдя в фойе, вернулась, чтобы сказать: – Лев приехал...

В гостиную вошел Лев Астраханский, бросил на пол дорожную сумку и с ходу обнял Надежду.

– Ну, что ж ты так долго? – спросила она, уткнувшись в его плечо.

– Пришлось задержаться.

– Идем ко мне в кабинет.

Надежда потащила его к лестнице, но ее окликнул охранник:

– Надежда Алексеевна, тут к вам пришли...

Из фойе показались пятеро мужчин, среди которых был Вадим Воронович. Заметив Надежду, он сказал:

– Это она!

Вперед вышел невысокий худой человек:

– Надежда Раух? Хозяйка ателье?

Навстречу ему выступил Астраханский:

– В чем дело?

Худой вытащил и показал удостоверение:

– Следователь Осташевский. – Он смерил Астраханского взглядом. – Вы кто такой?

Лев тоже достал удостоверение и, развернув, сунул ему в лицо:

– Следователь прокуратуры Лев Астраханский.

Немного замешкавшись, Осташевский сообщил:

– Я здесь по делу.

Лев ответил:

– Я тоже.

– Мне нужно поговорить с Надеждой Алексеевной.

– По какому вопросу?

– Расследую уголовное дело.

– Статья?

– Сто пятая.

– Убийство? – Лев оглянулся и с удивлением взглянул на Надежду. Не заметив в ее лице никакой тревоги, спросил у Осташевского:

– Ошибки быть не может?

Следователь покачал головой:

– Вчера здесь был убит Шимаханский Антон Геннадьевич, предприниматель, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения.

В гостиную вошла Ираида Самсоновна и заявила безапелляционным решительным голосом:

– Шимаханский вышел из ателье живым и здоровым. Назад, полумертвым, его притащил этот господин, – она указала на Вороновича.

– Позвольте нам самим во всем разобраться. – Осташевский вытащил из внутреннего кармана бумагу и продемонстрировал ее Ираиде Самсоновне: – Ордер на обыск. Прошу не препятствовать.

Надежда переглянулась с матерью, потом с Астраханским. Убедившись, что другого выхода нет, она проронила:

– Ну, что же... Обыскивайте.

Глава 3

Осталось выяснить – кто

Прошло два часа с тех пор, как Осташевский приступил к допросу Виктории. Ни Надежда, ни Астраханский не знали, о чем идет речь в кабинете на втором этаже. Они оставались на первом.

Ираида Самсоновна ушла с полицейскими осматривать мужскую гостиную. Рабочих пришлось отпустить, и завершение ремонта вновь отодвинулось, по крайней мере, еще на один день.

Надежда оставалась спокойной во многом из-за того, что рядом был Лев. Он же, напротив, нервничал, расхаживал по гостиной и звонил своему другу, следователю Протопопову, но тот не брал трубку.

Усевшись на диван рядом с Надеждой, Астраханский молча уставился на картину, висевшую в простенке между окнами. Он вдруг спросил:

– Тебе не кажется это странным?

– Что? – Задав этот вопрос, Надежда ожидала комментариев по поводу смерти Шимаханского.

– Она в бальном платье, а за ее спиной – заснеженный парк.

Помолчав, Надежда уточнила:

– Ты про портрет?

– Девушка в декольте, с голыми руками – в зимнем парке.

Тебе не кажется это странным?

– Послушай, Лев, мне сейчас не до этого.

– Ларец в ее руках, – Астраханский поднялся с дивана и подошел к картине. – Он же тяжелый, это видно – из дерева, с металлической оковкой. Наверняка что-то лежит внутри. Странная картина. У подготовленного человека вызывает много вопросов.

На втором этаже послышались голоса, на лестнице появились Осташевский и администратор Виктория. Они спустились в гостиную, Виктория открыла створку антикварного шкафа и обернулась к следователю:

– Можете убедиться.

Он заглянул в шкаф и проронил:

– В самом деле – их пять.

К ним подошла Надежда.

– Объясните, в чем дело.

– Вчера вечером я принесла Шимаханскому в примерочную чашечку кофе. После примерки пошла туда, чтобы забрать чашку, но на подоконнике стояло одно блюдо. Меня, конечно, это задело. Ираида Самсоновна только что купила Кузнецовские чайные пары, и уже – некомплект.

– Не думаю, что чашку взял Шимаханский, – усомнилась Надежда.

– Тогда куда она делась? – спросила Виктория.

– Поговорите с Анастасом Зеноновичем, возможно, ее разбили.

– Он сказал, что в его присутствии чашки не бились.

– И что это значит? – Надежда перевела взгляд на Осташевского.

– Я полагал, что вы мне объясните, – срезонировал он.

Астраханский взял Надежду за локоть и придвинул к себе.

– Дальнейшее общение с вами Надежда Алексеевна продолжит в присутствии адвоката.

– Адвокат? – Осташевский демонстративно покрутился на месте: – Его здесь нет. Должен вас огорчить: Надежде Алексеевне придется сейчас пройти со мной в кабинет, поскольку я намереваюсь ее допросить.

– Я пойду с ней, – решительно заявил Астраханский, но Осташевский возразил:

– Вы не адвокат.

– Я – следователь.

– Я – тоже, и ваша помощь мне не нужна. – Осташевский стал подниматься по лестнице. – Идемте со мной, Надежда Алексеевна.

Надежда посмотрела на Льва. Он кивнул и тихо сказал:

– Только «да» или «нет». Ничего лишнего.

Войдя в кабинет, Надежда села в свое кресло, однако Осташевский попросил ее пересесть, поскольку на столе уже лежала его папка.

Надежда пересела на стул. Следователь устроился в кресле и положил перед собой бланк протокола:

– Фамилия, имя, отчество?

– Раух Надежда Алексеевна.

– Год рождения?

– Вечно одно и то же... – обронила она.

– Да вы, я вижу, человек опытный?

– Мне случалось давать показания.

– Знаю-знаю... Убийство охранника, похищение кандидата в депутаты – и все в одном помещении. Такое чувство, что здесь не ателье, а провальная яма⁴.

– Вернемся к вашим вопросам, – перебила его Надежда.

– Адрес постоянной регистрации?

Она ответила, и он внес ответ в протокол, также записал ее должность и место работы.

– Образование?

– Высшее.

Вписав последнее слово, Осташевский положил ручку на стол:

– Поговорим откровенно.

– А я не собиралась вам врать.

– По какому случаю состоялся вчерашний прием?

– По случаю открытия нового направления – пошива мужских костюмов.

– Насколько мне известно, вы начали шить их месяц на-

⁴ Книга «Призраки Замоскворечья».

зад, а прием устроили только вчера. Почему?

– Могу объяснить, – Надежда недовольно поежилась. – Мы планировали приурочить прием к открытию новой гостиной. Но открытие откладывалось, и тянуть дольше не было смысла.

– По какому признаку выбирались приглашенные?

– Все они – клиенты Анастаса Зеноновича. Перешли к нам вместе с ним из ателье на Кутузовском.

– Своих знакомых на прием приглашали?

– Помимо клиентов Тищенко, на приеме присутствовал закройщик Соколов, моя мать, администратор Виктория, фотограф и мой знакомый – адвокат Фридманович.

– Зачем был нужен адвокат? – заинтересовался Осташевский.

– Я пригласила его как друга.

– Вы не упомянули охранника и официантов. Сколько их было?

– Трое. Всех отпустили, как только в гостиную принесли Шимаханского.

– Давайте по порядку. На какое время был назначен прием?

– На восемь часов.

– Двадцать ноль-ноль, – Осташевский вписал в протокол несколько строк. – Во сколько начали по факту?

– Примерно в это же время.

– Почему – примерно? Вы не присутствовали?

– Я задержалась.

– Причина?

– Пуговицы.

– Краткость – сестра таланта, – заметил Осташевский. –

Но, боюсь, что не в этом случае.

Надежда с вызовом объяснила:

– На вечернем платье, которое специально шилось к этому дню, есть тридцать маленьких пуговиц. Их нужно застегивать.

– Сколько? – удивился следователь.

– Тридцать штук. И все – на спине.

– Понимаю – пока вы застегивались, вы опоздали. И что же? В начале приема не было никаких вступительных слов или напутствий?

– Гостей встречала моя мать. Она всех поприветствовала. Мероприятие проходило в свободном формате с единственной целью – привязать клиентов к новому месту.

– Вот и привязали... Но только не все уцелели.

– Неуместное замечание.

– Прошу меня извинить, – усмехнулся Осташевский. – К слову пришлось. Еще один вопрос: когда впервые у вас появился Тищенко?

– Я же говорила – месяц назад.

– Как он объяснил причину ухода из ателье на Кутузовском?

– Ателье на Кутузовском закрылось. И, прошу заметить,

не по моей вине.

– Почему Тищенко пришел именно к вам?

– Спросите у него.

– Я задал вопрос...

– Тищенко живет в пяти минутах ходьбы от моего ателье.

Это определило его выбор.

– Смотрите-ка... Выходит, вам повезло?

– Если бы повезло, я бы не говорила с вами сейчас.

– Тоже верно, – Осташевский записал в протокол пару слов. – Теперь определимся со временем. В двадцать ноль-ноль начался прием. Во сколько вы спустились в гостиную?

– Примерно через двадцать минут.

– К тому времени все уже собрались?

– Опоздавшие подходили и позже.

– Есть список приглашенных?

– Он у Ираиды Самсоновны.

– Сколько в списке человек?

– Двадцать шесть, но были те, кто пришел с женами.

– Жен в счет не берем.

– А это как вам будет угодно.

– Значит, в двадцать минут девятого вы спустились в гостиную. Что было дальше?

– Тищенко представил меня своим клиентам.

– Всех запомнили?

– Только некоторых.

– Как насчет Шимаханского?

– Его трудно не запомнить, он человек колоритный.

– Кто подал идею примерить костюм во время приема? – спросил Осташевский.

– Шимаханский. Он сказал, что другого времени у него нет.

– Примерка проходила в незаконченной гостиной?

– В мужской примерочной.

– О чем вы с ним вчера говорили?

– Вам нужен дословный пересказ? – съязвила Надежда.

– Я спрашиваю, вы отвечаете, – одернул ее следователь.

– Шимаханский поблагодарил меня за то, что я приютила Анастаса Зеноновича.

– И все?

– Сказал, что в его возрасте смена портного равносильна инфаркту, – Надежда опустила глаза и покачала головой. – Как в воду глядел... Через два часа эти слова превратились в реальность.

– С его сердцем он смог бы прожить до глубокой старости, – сказал Осташевский. – По крайней мере, так считает медицинский эксперт. Во сколько Шимаханский и Тищенко ушли на примерку?

– Около одиннадцати, когда гости начали расходиться.

– А если точнее?

– Спросите у Тищенко, он скажет. Послушайте... – недовольно проговорила Надежда. – Вы сказали, что Шимаханский имел здоровое сердце. Но он все же умер. Как это по-

нять?

– Шимаханский был гипотоником. Вчера около одиннадцати часов вечера он принял препарат, понижающий артериальное давление, в результате чего случилась резкая гипотензия, остановка сердца и смерть.

– Зачем же он это сделал? – удивилась Надежда.

– Ему помогли. – Говоря, Осташевский не отрывал глаз от ее лица.

Сообразив, к чему клонит следователь, она побледнела:

– Не хотите ли вы сказать, что в стенах ателье кто-то настолько заставил Шимаханского принять препарат?

– Хочу, – следователь продолжал за ней наблюдать. – Шимаханский знал, что эти таблетки для него – верная смерть. При вскрытии в желудке Шимаханского обнаружена смесь из спиртного, пищи и кофе с высоким содержанием препарата для гипертоников. Тот же препарат в высокой концентрации присутствовал в его крови.

– Вот видите, значит, он сам... – начала Надежда.

Но Осташевский прервал ее:

– Не стоит спешить с выводами. Препарат попал в его организм вместе с напитками или с пищей.

– Подсыпали?

– Подсыпали или подмешали – не имеет значения, – заключил Осташевский. – Главное – факт. Кто-то преднамеренно убил Шимаханского. Осталось только выяснить, кто.

Глава 4

Умные часы

Они уже стояли в фойе, и Надежда Раух ждала, когда следователь выйдет за дверь. Но у Осташевского были стальные нервы – он не спеша сложил документы в папку и так же неторопливо ее застегнул. Когда пришло время одеваться, Надежда помогла ему вдеть руку в рукав куртки. Разгадав природу ее услужливости, Осташевский кривенько усмехнулся.

– Благодарю вас...

Из мужской гостиной вышли полицейские в сопровождении Вороновича. Последней из-за двери показалась Ираида Самсоновна.

– Мы закончили, – сообщила она дочери.

Осташевский и полицейские двинулись к выходу. Вадим Воронович задержался возле Надежды:

– Для всех нас смерть Антона Геннадьевича – большое потрясение. Невосполнимая потеря. Боюсь, что сегодня я вел себя некорректно. Прошу меня извинить.

Надежда ответила ничего не значащей фразой и с радостью закрыла за ним дверь. Ей так сильно хотелось этого, что она обошлась без охранника.

– Нам нужно поговорить, – сказала Ираида Самсоновна.

Они прошли в гостиную и, сев на диван, несколько мгновений молча смотрели друг на друга. Наконец Надежда обронила:

– Что скажешь?

– Это катастрофа, – проговорила Ираида Самсоновна. – Работы в мужской гостиной остановлены. Рабочих снова пришлось отпустить.

– Если бы только это...

– Что еще?

– Вчера на приеме Шимаханскому подсыпали препарат, который его убил. Так сказал следователь.

– Что за вздор!

– Между прочим, Осташевский считает, что это сделал кто-то из нас.

– На приеме присутствовало около сорока человек.

Надежда отвела от матери глаза и остановила взгляд на картине. При виде хрупких девичьих плеч на фоне заиндевевших ветвей она зябко поежилась и спросила:

– Что делали полицейские в примерочной и мужской гостиной?

– Осматривали помещения. Один из них допрашивал Тищенко.

– Слышала, о чем говорили?

– Краем уха, – ответила Ираида Самсоновна. – В основном о его знакомстве с Шимаханским и о точном времени последней примерки.

– Еще что-нибудь?

– Мне кажется, криминалист что-то нашел.

– Что? – с тревогой спросила Надежда.

– Я не рассмотрела. Видела, как он что-то поднял с пола, сунул в пакет и спрятал в свой чемодан.

– Я чувствовала, ничем хорошим это не кончится... – Надежда закрыла глаза и замерла, как будто к чему-то прислушиваясь.

– Прошу тебя! – взмолилась Ираида Самсоновна. – Оставь эту привычку! Ты уже не маленькая, детство давно закончилось.

– Детство тут ни при чем, – Надежда открыла глаза и поискала взглядом Викторию:

– Куда делся Лев?

Виктория приподнялась из-за конторки:

– Пока вы говорили со следователем, он кому-то звонил и, когда дозвонился, сразу уехал.

– Вот и жди от него помощи... – обронила Ираида Самсоновна.

– Ты опять?... – спросила Надежда.

Ираида Самсоновна встала с дивана:

– Я вообще могу ни во что не вмешиваться, – она взглянула на часы: – Через несколько минут у Тищенко будет примерка.

– Придет Сергей Аполлинарьевич Козырев, – сказала Виктория.

Надежда вспомнила его разговор в темной примерочной. Теперь этот разговор казался ей подозрительным.

Тем временем в гостиной показался Анастас Зенонович. Он был свеж, чисто выбрит, одет в белоснежную сорочку, черно-серый полосатый жилет и подпоясан маленьким фартуком с карманом для иголок и мела. Тищенко держал в руках плечики с клетчатым пиджаком.

В дверь позвонили, Ираида Самсоновна вышла в фойе. Из гостиной Надежда наблюдала за тем, как Сергей Аполлинарьевич отдал охраннику пальто и поправил перед зеркалом галстук. Войдя в гостиную, он подошел к Надежде, взял ее руку.

– Рад видеть, – Козырев оглянулся на Тищенко: – Приветствую вас, Анастас Зенонович. Если позволите, я ненадолго отвлекусь.

Закройщик ушел в примерочную комнату, Козырев присел рядом с Надеждой.

– Узнал о преждевременной кончине Антона Геннадьевича. – Он грустно вздохнул: – Еще вчера Шимаханский был полон жизненных сил.

Выбор темы для разговора свелся к одной. Надежда проронила:

– Мне очень жаль.

Козырев продолжил:

– По дороге сюда мне в голову пришла хорошая мысль. Хочу обсудить ее с вами, – заметив в глазах Надежды инте-

рес, он спросил: – Как вы относитесь к высокой моде? Неужели вам никогда не хотелось сделать свою коллекцию?

Надежда опустила глаза.

– Я слишком хорошо знаю себя и свое место. Мое дело – шить красивые и качественные вещи. В отечественной моде без меня много дизайнеров, которым нечего сказать и они без особого успеха перекраивают чужие идеи.

– Вы молоды, талантливы, обладаете необходимыми знаниями. Кажется, закончили Лондонскую школу Святого Мартина?

– Училась там, но это было давно, – Надежда посмотрела ему в глаза: – Сергей Аполлинарьевич, к чему этот разговор?

– Есть определенная цель, – Козырев говорил уверенно, осознавая свою значительность. – Администрация города вкупе с пятью известными российскими фондами проводит конкурс молодых дизайнеров одежды. Победитель примет участие в показах Недели высокой моды. В проекте участвуют серьезные люди, на кону внушительный грант. Нарисуйте несколько моделей, сделайте коллекцию. И, чем черт не шутит, может, вам повезет?

– Лично вам это зачем?

– В числе немногих других я спонсирую этот проект и заинтересован в том, чтобы победил талантливый человек, а не чей-то бездарный ставленник, – Козырев снова взял ее руку, и она почувствовала тепло его ладоней. – Пообещайте мне, что подумаете.

Надежда засомневалась, предположив, что, возможно, участие в конкурсе – плата за молчание, и ей следует забыть о словах, звучавших в темной примерочной.

И все же она ответила:

– Хорошо, я подумаю.

Козырев встал.

– Я позвоню вам. Теперь, если не возражаете, пройду в примерочную к Анастасу Зеноновичу.

Он скрылся за дверью. К Надежде подошла Виктория и тихо проинформировала:

– Через тридцать минут придет Ермакова. Примерка новых сценических костюмов.

– Проведите ее во вторую примерочную и постарайтесь, чтобы Ермакова не встретилась с Козыревым. Если потребуется, подключите Ираиду Самсоновну.

Надежда направилась к лестнице, однако, взглянув в окно, развернулась и поспешила в фойе, куда уже входил Астраханский. Лев пришел не один, с ним явился сослуживец – следователь Протопопов, немолодой плотный мужчина с ежиком торчащих волос.

– Идемте в кабинет, там поговорим, – сказал Астраханский

Они прошли через гостиную к лестнице и поднялись на второй этаж. В кабинете мужчины сели к столу. Надежда открыла окно, чтобы закурить, но Лев попросил:

– Сядь, пожалуйста, Надя.

– Что-нибудь случилось? – предположила она.

– Иван Макарович кое-что разузнал о деле Шимаханского. Он знаком с Осташевским. Они работают в одном управлении.

Надежда села в кресло напротив мужчин, и Протопопов начал рассказывать:

– Должен предупредить, что в этом деле все очень не просто. На руке Шимаханского были так называемые умные часы, которые фиксируют и сохраняют в памяти данные об артериальном давлении и пульсе владельца. Согласно извлеченной из них информации, в промежуток между половиной одиннадцатого и одиннадцатую часами у Шимаханского стало понижаться давление и замедляться пульс, что, в свою очередь, и привело к его смерти. В крови и в содержимом желудка обнаружен препарат для гипертоников. Жена Шимаханского уверена, что он сам его бы не принял. Остается только одно – лекарство подсыпали в еду или в напиток.

– То же самое сказал мне следователь, – подтвердила Надежда.

– Меня смущает временной промежуток, – заметил Астраханский. – Его границы очень размыты. Уверен, что Осташевский тоже это заметил. Шимаханский мог получить свою дозу как во время приема, так и на примерке.

– И в чем, по-твоему, разница? – поинтересовалась Надежда.

– Разница – в количестве подозреваемых. На приеме это

мог сделать любой из присутствующих. В примерочной – только персонал ателье: Тищенко, ты, Ираида Самсоновна или Виктория. Насколько я понял, кофе подавала она.

– Согласен, – сказал Протопопов. – Осташевский в первую очередь отработает эту версию. Вам, Надежда Алексеевна, советую быть осторожней при даче показаний. Переизбыток информации, неаккуратное слово или ненужный факт может изменить ситуацию не в вашу пользу.

– Но ведь это глупо – подозревать кого-то из нас! – возразила Надежда. – Моя мать и Виктория видели Шимаханского всего пару раз, когда он приходил на примерки. Я сама познакомилась с ним только вчера. Чтобы захотеть смерти человека, нужен серьезный повод. Откуда ему взяться?

– Не думаю, что вас это успокоит, – проговорил Протопопов. – Но я все же скажу: был бы хороший следователь, а поводы и улики найдутся.

Она покачала головой:

– Не думала, что все так обернется.

– Главное, сохранять спокойствие, – Лев Астраханский поднялся с кресла и обнял Надежду. – Ты должна знать, что мы рядом с тобой.

– И что мне теперь делать?

– Пока – ничего, – сказал Протопопов. – Для начала посмотрим, что делает Осташевский.

Глава 5

У каждого свои проблемы

Аделина Ермакова опоздала на полчаса и этим спасла ситуацию. Примерка Козырева продлилась дольше обычного, с Ермаковой он разминутся буквально на минуту. Не успел от подъезда ателье отъехать поджарый «Ауди» Козырева, к нему припарковался фиолетовый кадиллак Ермаковой.

Аделина выбралась из машины, одернула на себе пальто из дорогого малинового плюша и тяжело затопала к ателье. Понаблюдав за ней из окна, Надежда с одобрением отметила: Ермакова следует ее рекомендациям и не надевает под малиновое пальто пестрые брюки.

Одновременно с Ермаковой из кадиллака вывалились ее подруги из группы поддержки. Ермакова никогда не приезжала на примерки одна и одевалась так броско, как могла себе позволить только известная поп-звезда.

Ираида Самсоновна встретила Ермакову в фойе и проводила ее вместе с подругами в примерочную.

Вскоре там появилась Надежда:

– Здравствуйте, Аделина. Вы уже готовы к примерке?

Полуодетая Ермакова трепала в руках парчовое платье, отыскивая в нем горловину:

– Да где же эта ваша дырища...

Одна из подруг хотела помочь, но тут же получила шлепок по руке:

– Не лезь!

– Позвольте мне, я разберусь, – мягко подступилась Надежда. Она забрала платье и, отыскав горловину, помогла Ермаковой вдеть в нее голову.

Оправив платье, Аделина недовольно оглядела себя в зеркале:

– Что за говно?

– Вам не нравится? – Надежда поправила плечевые швы и одернула рукава. – По-моему, прелестный наряд. Зимняя сказка. Сценический костюм для новогодних концертов.

– Но я – не Снегурочка. – Ермакова перевела обескураженный взгляд на Надежду. – Вы уж простите, не предупредила.

– Прошу вас, Аделина...

– И на этот раз вы не удивили меня, – Аделина Ермакова стянула с себя платье.

– Передо мной стояла другая задача – сшить качественную и красивую вещь, – сдержанно проронила Надежда.

– И где она? – Аделина рассмеялась своей шутке и, отбросив платье, распорядилась: – Сделайте короче на ладонь. На грудь пришейте побольше страз.

Надежда расправила платье, повесила на плечики и напонила:

– У нас примеряется еще одна вещь.

– Боже мой... Как же мне все это обрыдло. Давайте сюда вашу наволочку.

Надежда помогла Ермаковой надеть гипюровую накидку, расшитую бисером, стеклярусом и пайетками. Крутнувшись перед зеркалом, Ермакова оглядела взлетевший подол:

– И где, по-вашему, объем?

– Здесь – полное солнце, – пояснила Надежда.

– Что за дрянь!

– Прошу вас, Аделина...

– Мне нужно, чтобы фалдами крутилось. – Ермакова сделала перед зеркалом два оборота. – Но подол раскручивается только в прямую линию. В чем здесь фишка? Я не врубаюсь.

– Вы одобрили эскиз. Я предупреждала, что гипюра хватит только на этот покрой. Для глубоких фалд потребуется большой метраж ткани.

– У вас свои головняки, у меня – свои, – Ермакова взглянула на подруг, и те угодливо закивали. – Как хотите, но сделайте с фалдами.

– Есть только один выход, – проговорила Надежда. – Раскроить накидку из другой ткани.

– А я хочу из такой же.

– Такой больше нет. Ее привезли из Парижа. Это был остаток от коллекционных образцов – четыре с половиной метра.

Ермакова повторила:

– У вас свои головняки, у меня – свои. Я же не предлагаю вам петь вместо меня на новогодних корпоративах?

Надежда сдержанно покачала головой:

– Нет, не предлагаете.

– Вот видите... Короче, договорились.

После того как Ермакова ушла, Надежда собрала в охапку сценические костюмы и обессиленно опустилась на стул. Каждая примерка Ермаковой походила одна на другую. Ей все не нравилось, но она заказывала одежду снова и снова. Такая работа повергала Надежду в уныние. Для Ермаковой всегда кроил Соколов, но после первых примерок он напрочь отказался с ней контактировать. Интеллигентнейший Валентин Михайлович побоялся, что когда-нибудь ударит Аделину. Для такого человека, как он, ударить женщину было бы катастрофой.

– Еще одна такая примерка, и я сама побью Ермакову, – мрачно пробормотала Надежда.

– Все нормально? – в примерочную заглянула Виктория.

– Давно бы послала ее подальше, если бы не статус звезды.

– Вам помочь?

– Сама отнесу, – Надежда поднялась со стула и вышла в гостиную.

Она вошла в швейный цех в плохом настроении. Стрекот машинок усилился. Те швеи, кто разговаривал, замолчали. Кто бездельничал – уткнулись в свою работу.

Надежда разложила на межстолье парчовое платье и сказала швее:

– Его нужно укоротить.

– На сколько? Здесь нет разметки.

– На восемь сантиметров, не больше. Потом отдайте платье вышивальщице, и пусть она пришьет на грудь еще столько же страз.

Выйдя из цеха, Надежда заглянула в закройную. Там было тихо. Тишина буквально звенела в воздухе. Помощница Соколова Фаина метнула на хозяйку испуганный взгляд. Соколов, не поднимая глаз, резал детали кроя. Тищенко выкладывал на манекене воротник пиджака.

Надежда интуитивно почувствовала, что недавно здесь произошла ссора. Она повесила накидку Ермаковой на стойку. Валентин Михайлович отложил ножницы и спросил:

– Как все прошло?

– Парчовое платье уже в цехе. А вот с гипюром нужно что-то решать.

Соколов распахнул накидку:

– Что здесь не так?

– Ермаковой не хватает объема. Хочет, чтобы при вращении подол закладывал фалды.

– Как в бальных танцах? Надеюсь, вы ей все объяснили...

– Объяснила, но ей подавай фалды. Что будем делать?

– Ничего, – закройщик пожал плечами. – Такой ткани больше нет.

– А если подумать?

– Была бы ткань – мы бы вставили клинья. На таком круп-

ном гипюре швы будут незаметны даже на просвет. И если на швы сверху нашить такой же стеклярус и бусы...

– Т-а-а-ак, – протянула Надежда, чувствуя, что у него рождается хорошая мысль.

– Следуя вашей логике, можно взять обычный гипюр... – продолжил Соколов.

– ... и расшить его таким же стеклярусом, бусами и пайетками, – подхватила Надежда. – Я знаю, где все это найти! Дайте для примера обрезок ткани.

Соколов порылся на стеллаже и протянул кусок ткани от накидки Ермаковой.

Надежда с благодарностью улыбнулась:

– Спасибо! На вас всегда можно положиться.

– Не за что, – закрылщик развел руками. – Вы все придумали сами, я ни при чем.

Валентин Михайлович забрал со стола край и сказал, что идет в цех. Вслед за ним вышла Фаина.

Надежда подошла к Тищенко, чтобы посмотреть, как мастерски он выверяет линию раскепа⁵.

– Как прошла примерка у Козырева? – спросила она.

– Меня беспокоил вспушной шов – он был затянут, но сейчас шов идеален.

– Я рада...

Тищенко обернулся.

– Вас что-то тревожит?

⁵ Линия соединения воротника и лацкана.

– Как вам у нас работается?

– Меня все устраивает.

– Еще неделя – и у вас будет своя гостиная с примерочной комнатой.

– Мне это известно.

Чувствуя, что Тищенко не до конца откровенен, Надежда спросила напрямую:

– Кажется, вы не ладите с Соколовым?

– Если быть точным – он не ладит со мной.

– Почему?

– Об этом лучше спросить у Валентина Михайловича.

– Но есть же какая-то причина?

– Если есть – мне она неизвестна.

– И все же мне бы не хотелось... – проговорила Надежда, но Тищенко упредил ее заверения:

– Не стоит так волноваться. У меня крепкие нервы.

По дороге в гостиную Надежда думала о конфликте между закройщиками. Зная Валентина Михайловича, она понимала, что причина неприязни куда серьезнее ревности и зародилась намного раньше, еще во времена работы Соколова и Тищенко в ателье на Кутузовском. Однако спросить об этом ей было не у кого, а сами фигуранты конфликта вряд ли сознаются. Оставалось только ждать, чем все это закончится.

Войдя в гостиную, Надежда сказала матери:

– У меня появилась отличная идея.

– Так-так... – заинтересовалась Ираида Самсоновна.

– Что, если организовать для Тищенко отдельную закройную?

– Но где же взять свободное помещение?

– Выкупить еще одну квартиру в этом же доме.

– У нас нет на это средств. Еще неизвестно, во что обойдется ремонт мужской гостиной.

– Кстати, про гостиную...

– Что?

– В ней девяносто метров.

– Прекрасное просторное помещение.

– Не кажется тебе, что оно великовато?

– Хочешь оттяпать часть под закройную? – догадалась Ираида Самсоновна.

– Почему бы нет?

– Я – против. Гостиная утратит породу и превратится в обычную комнату.

– Шестидесяти метров будет достаточно.

– Вернемся к этому вопросу чуть позже, – сказала Ираида Самсоновна.

– Чего ждать? Пока рабочие закончат ремонт? Еще не поздно поставить перегородку.

– Поговорим об этом потом, – Ираида Самсоновна подошла к консольному столику и задвинула его под край золоченой рамы портрета. – Так будет лучше.

– Откуда появилась эта картина? – поинтересовалась На-

дежда.

– Разумеется, я купила ее. Такую вещь никто просто так не подарит.

– Это я понимаю. Но где?

– В одной интеллигентной семье. Мне кажется, я тебе говорила.

– Не помню.

– Все дело в том, что ты никогда не слушаешь мать.

– Что за семья?

– Замоскворецкие жители, исконные москвичи. Портрет переходил из поколения в поколение, десятилетиями оставаясь в одной семье. Меня предупредили, что это авторская копия. Оригинал хранится в музее.

– Известно имя художника?

Ираида Самсоновна указала пальцем в нижний угол картины:

– Василий Сомов. Он специализировался на портретах зажиточных москвичей.

– Известны годы его жизни?

– Умер молодым в середине девятнадцатого века. Кажется, от чахотки.

– Сколько лет ему было?

– Надо бы уточнить в Интернете.

– О самом портрете ничего не известно?

– Нет. Ничего.

– Кто эта девушка? И почему она в легком платье посреди

заснеженного парка?

– Судя по всему – дочь состоятельных родителей. Заснеженный парк – всего лишь художественный образ или аллегория. Если хочешь, обратиться к специалистам, возможно, они что-то расскажут.

– Было бы занятно.

– Как-нибудь я этим займусь, – пообещала Ираида Самсоновна и, услышав дверной звонок, заметила: – Очень странно... Примерки на сегодня закончились.

Она вышла в фойе и вскоре вернулась с Марком Фридмановичем.

Ираида Самсоновна испытывала к Фридмановичу двоякое чувство. В свое время она считала, что Марк – отличная партия для Надежды. Перспективный адвокат с солидной денежной клиентурой. Связь Марка и Надежды продлилась несколько лет и закончилась тем, что он женился на дочери своего клиента. Тем не менее Фридманович продолжал вести юридические дела ателье, а также личные дела Ираиды Самсоновны и Надежды.

Что касается взаимоотношений Фридмановича и Надежды, с его женитьбой они прекратились. Надежда тяжело переживала предательство Марка и долго убивала свою любовь. Лишь однажды она дала слабину, возобновив с ним отношения, о чем сразу стало известно Ираиде Самсоновне, и она категорически их осудила. Однако и на этот раз у них не было будущего, Надежда не могла смириться с тем, что

Фридманович врал и ей, и своей жене. Жить во лжи было непереносимо, и она сама бросила Марка. Не обошлась без объяснений с его женой. Марина явилась в ателье, произошла некрасивая сцена, в ходе которой Надежда перехватила инициативу и обвинила Марину в том, что это она в свое время увела у нее Фридмановича. Но на чужом несчастье счастья не построишь, и теперь мадам Фридманович имеет то, что имеет.

После второго разрыва у Надежды и Марка установились ровные отношения, которые считались дружескими, но по существу таковыми не были. Фридманович по-прежнему ревновал Надежду к Астраханскому, считая ее своей.

Оставив Надежду и Марка наедине, Ираида Самсоновна медленно поднималась по лестнице. Фридманович знал эту ее уловку и не начинал разговора до тех пор, пока на втором этаже не хлопнула дверь. Но даже после этого он заговорил очень тихо, потому что был уверен: Ираида Самсоновна не вошла в свой кабинет, а стоит и слушает в коридоре.

– Мне нужно тебе кое-что рассказать, – сказал Фридманович и добавил еще тише: – Наедине.

– Можем пойти в мужскую гостиную или в мой кабинет.

– Только не в мужскую гостиную. После того, что случилось, мне бы не хотелось туда идти.

– Шимаханский умер здесь, в этой комнате, – пояснила Надежда.

– Идем в твой кабинет, – сказал Фридманович, и в тот

же момент они слышали, как на втором этаже открылась и закрылась дверь кабинета Ираиды Самсоновны.

Надежда приоткрыла створку окна и закурила. Затянувшись дымом, спросила:

– О чем ты хотел рассказать?

– Меня вызвали к следователю, – сказал Фридманович.

– Зачем?

– На допросе Тищенко рассказал, что вчера вечером я заходил к ним в примерочную.

– А ты заходил? – удивилась Надежда.

– Мне не удалось поговорить с Шимаханским в гостиной, я просил его назначить время для встречи.

– Тогда иди и расскажи все как есть.

– Все как есть я могу рассказать только тебе.

– Не пугай меня, Марк... Ты что-то знаешь?

Он медленно кивнул головой.

– Я слышал разговор Шимаханского с Тищенко.

– Когда?

– Когда шел к примерочной. Тебя интересует, о чем они говорили?

Надежда затушила сигарету и закрыла окно.

– Нет, не интересует.

– Даже если это касается лично тебя?

– Что за бред? – Она остановилась на полпути к своему столу.

– Суть разговора сводилась к тому, что ты ничего не знаешь, и у них еще есть время.

Надежда опустила в свое кресло.

– О чем я должна была знать?

– Я слышал только часть разговора.

– Где в это время был Воронович?

– Он ждал в фойе.

– С чего ты взял, что они говорили обо мне?

– Шимаханский назвал твою фамилию.

– Возможно, речь шла о матери?

– Он сказал – Надежда Раух.

Надежда взяла карандаш и, размышляя, нарисовала в ежедневнике большой знак вопроса. Потом подняла глаза:

– У меня не было с Шимаханским ничего общего. Что они имели в виду?

– Вопрос не ко мне. Если хочешь, задай его Тищенко.

– Зачем ты мне об этом сказал?

– Чтобы ты сама распорядилась этой информацией. Завтра я иду на допрос к следователю. Мне нужно знать, что говорить.

Надежда закрыла глаза. Фридманович нетерпеливо потребил ее за руку:

– Опять эта твоя привычка. Только не уходи в себя.

Она открыла глаза и проронила:

– Ты мой адвокат, вот и скажи...

– Об этом разговоре нужно молчать. У тебя не должно

быть никаких привязок к убитому.

– Откуда ты знаешь, что Шимаханский убит? – удивилась Надежда.

– Секрет полишинеля. Иначе зачем бы нас всех допрашивали? По своему опыту скажу, что ты в числе подозреваемых номер один. Мне подключаться?

– Подключайся.

– Завтра утром после допроса я переговорю со следователем и затребую для ознакомления твои показания.

– И все-таки... – Надежда заговорила мягко, по-дружески. – Зачем ты напротился на вчерашний прием?

– Чтобы встретиться с Шимаханским.

– Значит, у тебя с ним были дела?

Фридманович вскинул руки, словно предъявляя: они чисты, и сам он кристально честен.

– Никаких дел. Один конфиденциальный вопрос.

– Вижу, что ничего мне больше не скажешь.

– Есть одна информация...

– Говори, – заинтересовалась Надежда.

– У Шимаханского не было в тот день примерки. Во всяком случае, мне так показалось.

– Тищенко унес туда костюм, и Шимаханский сказал...

– Когда я зашел в примерочную, сразу понял – им не до примерки. Шимаханский оставался в смокинге. Они встретились, чтобы поговорить.

– Даже не знаю, как на это реагировать... – Надежда по-

ежилась. – Поговорить с Тищенко?

– Так он и сказал тебе правду... – Фридманович опустился на колени и обнял сидящую Надежду.

Она сказала:

– Пусти...

– Подожди немного.

– Пусти, говорю, – Надежда попыталась освободиться и встать с кресла.

– Зачем ты меня отталкиваешь?

– Слишком хорошо тебя знаю. Живешь так, как будто лезешь вверх по лестнице. На каждом этаже – новые друзья и нужные женщины. Любовь и дружба для тебя всего лишь обмен услугами.

– Не будь обличительной. Это пошло, – Фридманович уткнулся лицом в ее колени.

Надежда высвободилась и поднялась на ноги. Дверь открылась, в кабинет вошел Астраханский:

– Едешь домой?

Фридманович встал с колен, отряхнул брюки и сделал вид, что не случилось ничего экстраординарного. Направившись к выходу, он проинформировал Надежду:

– По результатам разговора со следователем я тебе позволю.

Домой Надежда поехала в машине Астраханского, оставив свой автомобиль на парковке вблизи ателье. Понимая,

что недавняя сцена не могла не вызвать вопросов, она ждала их от Льва, но он молчал.

В конце концов, Надежда заговорила сама:

– Злишься?

Лев ответил:

– С чего ты взяла?

– Из-за Фридмановича.

– А я должен злиться?

– Нет. Конечно же – нет! – Надежда замотала головой так, что ее длинные каштановые волосы рассыпались по плечам.

Лев усмехнулся:

– Сейчас ты скажешь, что он искал на полу контактную линзу.

– Фридманович не носит линз, – обиделась Надежда. – Зачем подозревать меня в такой низкой лжи?

– Тогда зачем он встал на колени?

– Мне трудно объяснить.

По тому, как резко Астраханский выкрутил руль, Надежда поняла, что он всерьез разозлился.

– Фридманович хочет тебя вернуть?

– Он женат, – не к месту вставила Надежда, и это выглядело так, как будто она его защищает.

– Не буду спорить. Мне это не нравится.

– Мне тоже.

– Тогда я знаю, что следует сделать.

– Прошу тебя, Лев!

– Чего ты испугалась?

– Мне бы не хотелось портить с ним отношения.

– Коряво как-то получается. По-подленькому. Знаешь, что мерзавец, но сохраняешь с ним отношения.

– Фридманович – мой адвокат, и он мне нужен.

– Что ж, дело твое.

– Сегодня он кое-что мне рассказал. Это касается Шимаханского.

– Ну? – равнодушно спросил Лев. Казалось, он не проявляет ни малейшего интереса.

– Марк подслушал разговор Шимаханского с Тищенко. Они говорили обо мне.

– Та-а-ак...

– Речь шла о том, что пока я ничего не знаю, у них еще есть время.

– Больше никаких уточнений?

– Нет. Никаких.

– Что касается Тищенко, давно хотел к нему присмотреться. Впрочем, сейчас тоже не поздно.

– Что думаешь по поводу их разговора?

– Пока никаких идей.

– И все-таки ты обиделся, – расстроено заключила Надежда.

Астраханский ничего не стал отрицать, просто сказал:

– Звонил Протопопов. В деле появилась улика. В мужской гостиной криминалист нашел пластину с амлодипином.

В ней не хватает шести таблеток.

– Что дальше?

– Пока неизвестно.

Автомобиль остановился у подъезда Надежды. Она открыла дверцу и посмотрела на Льва:

– Сегодня ты у меня?

Но он ответил:

– Нет. Я к себе. Мне нужно поспать.

Глава 6

Алмазные россыпи

Было одиннадцать часов утра, когда Надежда приехала в ателье на такси. Охранник открыл дверь и впустил ее в фойе. Она не пошла, как обычно, к Виктории за расписанием при머ок, а заглянула в мужскую гостиную, где рабочие насти-
лали на пол ковровое покрытие. Надежда спросила, где их начальник, и они указали на примерочную.

Дизайнер и вправду был там – сидел на диванчике и перебирал накладные.

– Здравствуйте, Филипп, – сказала Надежда. – Вы обеща-
ли представить уточненную смету.

– Как раз этим занимаюсь.

– Когда вас ждать?

– В течение дня приду.

– А как насчет французских приводов к шторам? Наде-
юсь, они пришли?

– Утром позвонил поставщику, он сказал, что контейнер
с приводами застрял на таможне.

– И что это значит? – Ничто в голосе Надежды не предве-
щало мирного продолжения разговора.

– Придется ждать, пока контейнер пройдет таможню.

– Во что это выльется по времени?

– Пока сказать не могу.

Надежда внутренне свирепела, но держала себя в руках.

– Что с креслами? – В ее взгляде читалось желание устроить скандал.

– Ждем, – ответил Филипп. – Час назад я все объяснил вашей матери. Она высказала мне все, что вы хотите сказать сейчас.

– У вас просто дар уходить от ответственности, – проговорила Надежда и, чтобы не сорваться, вышла из комнаты.

Виктория набросала график примерок, Надежда просмотрела его и спросила:

– Где моя мать?

– Она у себя в кабинете. К ней пришел позавчерашний фотограф.

– Власов?

Надежда поднялась на второй этаж, оставила в кабинете сумочку и постучалась к матери.

– Войдите! – крикнула Ираида Самсоновна и, когда Надежда вошла, объяснила: – А мы с Григорием Александровичем разглядываем фотографии с приема.

– Здравствуйте, Наденька, – выражая почтение, Власов привстал со стула и очертил рукой небольшую дугу: – Кое-что я заказал в печать. Конечно, в минимальном формате.

Надежда оглядела стол, на котором лежал ворох фотографий:

– Их довольно много.

– В электронном виде еще больше. Они в компьютере вашей матушки.

– Мы немного пошушукаемся, потом я принесу их тебе, – Ираида Самсоновна дала понять, что дочери лучше уйти.

Вернувшись к себе, Надежда заметила в телефоне пропущенный звонок Астраханского. Решила набрать его номер, но передумала. Лев не захотел вчера остаться у нее на ночь, стало быть, пришел ее черед обижаться.

Надежда села за стол, взяла карандаш и положила перед собой лист бумаги. Как всегда в минуты душевного покоя, она стала рисовать. Сначала на листе появились очертания женского силуэта – изящная поза, изысканный поворот головы, завитки кудрявых волос. Постепенно фигура прирастала мягкими складками, летящими линиями, легкими драпировками.

Надежда рисовала и откладывала в сторону листок за листком. Увлечшись, не заметила, как в кабинет вошла Ираида Самсоновна.

– Смотрю, разрисовалась. С чего бы это? – Она положила пакет с фотографиями на край стола и взяла в руки стопку рисунков. Просмотрев, заключила: – Очень красиво. Однако с нашими клиентками ты не реализуешь десятой доли этих моделей.

– Власов ушел? – осведомилась Надежда.

– Ушел.

– Значит, есть время?

– У тебя опять что-то случилось? – забеспокоилась Ираида Самсоновна.

– Мне предложили участвовать в дизайнерском конкурсе. Нужно нарисовать и отшить небольшую коллекцию.

– Что стоит на кону?

– Грант на дальнейшее развитие, участие в неделе Высокой моды и, возможно, работа в Доме моделей.

– Была бы на моем месте Ермакова, она бы спросила: оно тебе нужно?

– Мне хочется попробовать свои силы.

– Попробовать – это одно. Но бросать свое, с таким трудом взращенное дело...

– Об этом речь не идет. Я никогда не брошу свое ателье.

– Тогда причем здесь работа в Доме моделей?

– Ни при чем.

– Ты же понимаешь, на пошив коллекции нужны деньги, а их сейчас нет.

– Я ничего не решила.

– Кого ты обманываешь? – Ираида Самсоновна швырнула на стол рисунки. – Ты уже работаешь над коллекцией.

– Значит, ты против?

– Категорически.

Надежда встала из-за стола.

– И все-таки я попробую.

– Ну, что же, ты – взрослая девочка. Одно тебе скажу: на

мою поддержку можешь не рассчитывать.

Ираида Самсоновна ушла. Надежда опустилась в кресло и закрыла глаза. Прислушавшись к себе, поняла, что после разговора с матерью ее словно обокрали. Была поддержка, и вот – ее нет. Но тем не менее она не собиралась идти на попятную. Решение было принято, и если бы Надежда отказалась от этой возможности, она бы никогда себя не простила.

Спустившись в гостиную, Надежда подошла к конторке Виктории:

– Когда будет следующая примерка у Ермаковой?

Виктория сверилась с графиком:

– Послезавтра.

– Я уезжаю. В ближайшие четыре часа буду отсутствовать.

Если что-то понадобится, звоните на мой мобильник.

Она вышла из ателье и направилась к стоянке, где со вчерашнего дня оставалась ее машина. Пошел мелкий дождь, и пока Надежда добежала до стоянки и села в машину, пальто пропиталось сыростью. Ей было холодно, неудобно и одиноко.

Надежда поехала в Мневники, в одно чудесное место, где можно было найти любую фурнитуру и ткань. Небольшой склад располагался в обветшалом сталинском доме, который готовился под снос. Но год шел за годом, снос все откладывался, и склад продолжал жить. Хозяйка склада – немолодая толстая женщина – привозила из Италии стоковые⁶ ткани и

⁶ Остатки тканей после отшива сезонных коллекций.

фурнитуру. За долгие годы у нее скопился сказочный ассортимент. Для дизайнера одежды он был сравним разве что с алмазными россыпями.

При необходимости Надежда находила здесь все, что было нужно. Ее никогда не постигло разочарование: она часами рылась в рулонах ткани, перебирала картонки с пуговицами и тесьмами, копалась в пакетах со стразами.

На этот раз Надежде удалось подобрать бисер, стеклярус и пайетки, идентичные тем, что были нашиты на гипюр Ермаковой. По счастью, они были черными, так что не пришлось мучиться с разнооттеночностью.

Но сам гипюр пришлось поискать. Через два часа поисков продавец нашла тощий рулон черного гипюра нужной плотности и с тем же рисунком. В рулоне было три метра. Надежда купила все и, конечно же, не избежала искушения покопаться в тканях из нового поступления. Это были чудные муслины и тафта пастельных тонов. В ее воображении рождались нежные образы женственных платьев.

Отложив несколько рулонов, Надежда выбрала для каждой ткани по несколько типов ниток, косые бейки и кружево, получила документы и пообещала в ближайшие дни оплатить счет.

И ткани, и кружева раздразнили ее воображение. По дороге в ателье она думала о коллекции. Идеи приходили одна за другой.

В ателье Надежда вернулась с горящими глазами и жела-

нием немедленно зарисовать все, что пришло в голову. Однако, войдя в гостиную, она встретила там Вороновича. Вадим стоял у консольного столика и смотрел на портрет девушки.

– У вас примерка? – поинтересовалась Надежда.

Он обернулся и сделал несколько шагов навстречу:

– Пришел раньше. Примерка еще не готова. – Он посмотрел на часы. – Вот, жду Анастаса Зеноновича.

Надежда огляделась:

– Где же Виктория?

– Ушла в закройную.

Надежда прошла к буфету:

– Могу предложить кофе или чашечку чая.

– Виктория предлагала. Я отказался.

– Даже не знаю, что еще могу сделать для вас, – Надежда развела руками. – Журналы мод вас вряд ли заинтересуют.

– Не стоит беспокоиться, – сказал Воронович. – В вашей гостиной так много занимательного. Есть на что посмотреть. Например, этот консольный столик.

– Его купила моя мать. Она большая любительница антикварной мебели.

– Должен заметить, у нее превосходный вкус.

В гостиную быстрым шагом вошла администратор Виктория:

– Анастас Зенонович сказал, что примерка состоится через десять минут.

Воронович вежливо поклонился Надежде:

– Не смею задерживать. Последующие десять минут я с удовольствием проведу в обществе Виктории и даже попрошу у нее чаю.

– Скажите Соколову, чтобы он зашел в мой кабинет, – сказала Надежда, обращаясь к Виктории.

Она поднялась наверх, и, как только закрыла за собой дверь кабинета, ей позвонил Козырев:

– Добрый день, Надежда Алексеевна. Подумали над моим предложением?

– Подумала.

– Что вы решили?

– Я буду участвовать в конкурсе.

– Вы здравомыслящий человек. Упустить такой шанс было бы глупо. Сегодня прикажу секретарше, чтобы она отправила вам информацию и перечень документов для участия в конкурсе.

Глава 7

Обвинение

В дверь постучали, Надежда крикнула:

– Да!

В кабинет вошел Валентин Михайлович и предупредительно сообщил:

– Виктория сказала, что вы меня вызывали...

Надежда встала из-за стола и протянула Соколову пакет:

– Здесь гипюр, стеклярус, бисер и пайетки, словом, все для того, чтобы закончить накидку Ермаковой.

Он заглянул в пакет и восхищенно заметил:

– Да вы просто волшебница! Как вам удалось так точно все подобрать?

– В таких случаях говорят – места нужно знать, – улыбнулась Надежда.

– Мы быстро подготовим примерку.

– Ермакова придет послезавтра. Вышивальщица успеет декорировать клинья?

– Попрошу ее задержаться, – пообещал Соколов.

Надежда заглянула в график примерок и поинтересовалась:

– Кажется, вы перенесли примерку Валтузовой?

Соколов удивился:

– С чего вы это взяли? Она придет завтра строго по расписанию.

– Странно... Я только что видела ее машину у входа.

– Возможно, ошиблись?

– У Валтузовой бежевый «Гелендваген». Слишком заметный автомобиль, чтобы ошибиться.

– Могу идти? – спросил Валентин Михайлович.

– Конечно. – Надежда отпустила Соколова и тут же позволила Виктории:

– Ирэна Валтузова приходила?

– Ее примерка состоится завтра.

– Я не спрашиваю, когда будет примерка, я спрашиваю – приходила она сегодня или не приходила?

После недолгой паузы Виктория ответила:

– Нет, не приходила.

– Тогда почему ее машина стоит возле крыльца?

– Разве? – удивилась Виктория.

Теперь Надежда по-настоящему разозлилась:

– Дурачите меня?

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите, – в голосе Виктории дрожала обида. – Придет Валтузова, у нее и спросите!

– Ну, хорошо... – Надежда «сбавила обороты». – Примерка Вороновича состоялась?

– Он и Тищенко в примерочной.

– Спасибо.

Опустив трубку, Надежда задумалась. Что-то в этой си-

туации, а главное, в поведении Виктории, ей не понравилось. Отложив переживания на потом, она решила порисовать. Идеи, пришедшие в голову за время поездки, рвались на бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.